

ЧАРОВНИЦА

АЛЕКСАНДР

ВЛАДИМИРОВ

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)

В 57

Владимиров А.П.

Поездка на юг и встреча с красивой девушкой могут стать не только радостью, но самым настоящим кошмаром. Знакомясь с неизвестной красоткой, задумайся: не ведьма ли скрывается под ее личиной? И несет ли ее появление горе не только лично тебе, но и всем твоим соседям...
Фантастика, мистика, детектив.

.

© А. Владимиров. Текст, 2020

© А. Синякин. Иллюстрации 2020

© Издательский дом «Литературный коллаيدر»,
2020

Александр Владимиров

ЧАРОВНИЦА

Иногда Павел и сам не понимал: это тюрьма или все-таки нет? Палаты так напоминали камеры для заключенных, а санитары – беспощадных надзирателей, для которых сам термин «сострадание» давно забыт. Пациенты тут находились не по своей воле. Никто не интересовался их желаниями, лишь одно имело значение: что решит врач – всесильный господин и диктатор.

Павел поработал здесь совсем недолго, но уже начинал ощущать: это не для него. В самом начале ему объясняли, что он выполняет функцию Моисея, ведет «заблудших овец» к выздоровлению. Однако реальность часто была иной: люди не выздоравливали. Наоборот, ломалась их воля, мозги «высушивались» и готовы были воспринимать только то, что скажут самоуверенные господа в белых халатах, а остальное – от лукавого. Они превращались в рабов, безропотно подчиняющихся установленному обществом порядку и заранее предписываемым каждому условиям игры. Зато скрывающиеся от правосудия преступники чувствовали себя в больнице, как рыба в воде. Это был их спасительный мир!

Просматривая дела пациентов, Павел снова и снова возвращался к одному из них. Он не мог поверить, что рядом, в больничной камере, кумир его детства.

В ординаторскую вошла заведующая отделением Елена Петровна Новожилова. Она с интересом посмотрела на молодого врача.

- Все работаете, Павел Сергеевич? Похвально.
- Да тут есть одно дело, которое не дает мне покоя...
- Так... Андрей Николаевич Фирсов. И что вас смущает?
- Он замечательный писатель!
- К нам попадают не только писатели, но и директора компаний, дипломаты и прочие. Честно говоря, половина депутатского корпуса запросто могли бы быть нашими

пациентами. По поводу Фирсова... Он чуть не убил членов своей семьи – жену и дочь.

- Громко сказано. Он никого не собирался убивать. Просто хотел остановить машину.

- Вы сами водитель?

- Да.

- Значит, вам хорошо известно, что такое вцепиться в руль, когда за ним другой человек, его жена. Да еще на трассе. Хорошо, что в этот момент она оказалась свободной.

Автомобиль врезался в дерево без последствий для пассажиров.

- Понимаю...

- Потом он выскакивает из автомобиля и бежит в лес, где его и находят через некоторое время. Может так поступить здоровый человек?

- В жизни случаются разные обстоятельства.

- Обстоятельства – обстоятельствами, но разумный индивид следует определенным правилам. Если он их не выполняет, его место либо здесь, либо там, где еще хуже.

- Интересно, что Фирсова толкнуло на подобный шаг? Он ведь так и не объяснил.

Заведующая отделением посмотрела на молодого коллегу и усмехнулась:

- Не пытайтесь найти оправдания безумным поступкам.

- Но...

- Не пытайтесь! Даже если когда-то вы зачитывались книгами этого человека. Я говорила с его женой. В последнее время Андрей Николаевич вел себя не адекватно. Ни с того ни с сего вдруг набросился в магазине на несчастных рабочих мигрантов, обвинил их в оккупации России. Или вот еще: отнес на свалку новый телевизор. Якобы, чтоб спастись от бесконечного преследования нашего вождя. Не глупость?

Талантливые люди часто являются нашими пациентами. Вы в этом скоро убедитесь... Кстати, никто не запрещает Фирсову писать. Все равно работа в стол. И это даже

хорошо. С одной стороны его не третируют: твори, что хочешь. С другой – никто его писанину не прочитает.

- Елена Петровна, - осторожно спросил Павел. – А нельзя мне с ним побеседовать?

- Зачем? – спросила заведующая отделением.

- Хочу понять его.

После некоторых раздумий Елена Петровна ответила:

- Фирсов мой пациент. Только я работаю с ним. Но раз у вас такое желание...

Павел отправился в палату, где находился знаменитый писатель. Дежуривший неподалеку санитар сказал, что в случае чего, он рядом.

- Думаете, мне потребуется ваша помощь?

- Скорее всего, нет, - рассмеялся парень. – У вас русское лицо.

- Он нападает только на не русских?

- Ни на кого он не нападает, - махнул рукой санитар. – Может, когда-то сорвался... Или его спровоцировали? Сейчас с ним проблем нет.

Палата оказалась одиночной. Павел увидел человека не первой молодости, исхудавшего, но не выглядевшего сломленным. И в глазах у него прочитывался недюжинный ум.

- Здравствуйте, Андрей Николаевич, - приветствовал его доктор.

Писатель принял его слова безучастно. Павел сделал шаг и... остановился. Он не представлял о чем можно беседовать в условиях психбольницы с кумиром детства. Однако нельзя вечно играть в молчанку. Не для того он пришел сюда!

- Мне очень тяжело, что мы встречаемся при подобных обстоятельствах. Хочется вам помочь... Я вообще не понимаю, почему вы здесь, и готов сделать невозможное, чтобы только выволить вас из этой... тюрьмы. Но помогите

же и мне. Расскажите, как и почему это **произошло на трассе?**

Фирсов впервые посмотрел на врача долгим пронзительным взглядом и сказал:

- Зачем? Вы все равно не поверите.

- Поверю!

- Это только слова.

- Я прочитал не менее двадцати ваших книг. Вас называют фантастом, но именно вы говорите **настоящую правду**.

Искренняя горячность врача произвела на писателя благоприятное впечатление, взгляд его смягчился. Но потом Фирсов вздохнул:

- Мне уже приклеили метку сумасшедшего. Избавиться от нее не просто.

- Я вам ее не приклеивал. Мало того, я уверен, что вы здоровы. Но мое заключение должно иметь хоть какое-то обоснование. Расскажите, Андрей Николаевич...

Еще несколько минут непонятного ожидания. Павел повернулся, чтобы уйти, но писатель его остановил.

- Хорошо. Только это **очень жуткая история**. Готовы к такому?

- Кто-то же должен выслушивать и жуткие вещи.

- Тогда возьмите, - Фирсов протянул папку.

- Что это?

- Прочитайте. Меня здесь лишили выхода в Интернет, но работать позволяют.

- И как мне потом с этим поступить?

- Вам решать. Я и так сделал, что мог...

Андрей Николаевич упал на кровать, казалось, вновь потеряв к собеседнику интерес. Врач попрощался и вышел.

Сегодня у него было ночное дежурство. Совершив обход, Павел присел за стол. Рукопись лежала перед ним и словно призывала поскорее начать чтение. Однако было в том призыве что-то пугающее. И Фирсов предупреждал, что

история жуткая, и сам Павел боялся, что прикоснется к тайнам, которые, может, лучше не знать? Часы на стене тикали, предвещая приближение ночи. Обычно это понятие в психбольнице условное: никакого спокойствия ждать не приходится. Именно когда за окном господствует тьма, внутри некоторых больных просыпаются звери. Звери рвутся на охоту, но, видя закрытые двери, бросаются на них и безумно голосят. Как ни странно, сегодня пока царило относительное спокойствие. Все подвигало к тому, чтобы Павел поскорее начал чтение. И он решился!

2

«...Началась эта история давным-давно, еще в последние годы существования Советского Союза. Я только что поступил в один из престижных вузов Москвы и, чтобы избавиться от напряжения вступительных экзаменов, был безумно рад сменить обстановку. Такая возможность вскоре представилась: моя мать, актриса театра оперетты, предложила поехать с ней на гастроли в Донецк. Я с радостью согласился.

Этот южный город мне понравился. Современные здания соседствовали с изумительными постройками старины,

мчащийся поток машин - с застывшими в вечном спокойствии, благоухающими парками. По тротуарам центрального проспекта прогуливались толпы людей, слышались обрывки разговоров, шутки, смех. Никому бы из них и в голову не пришло, что наступит время, когда раскинувшееся над ними небо озарится вспышками войны, а ужас и страдания станут их неотъемлемой частью жизни. Я быстро освоился в театре; несколько дней – и меня знало здесь большинство ведущих актеров и актрис. На спектакли меня пускали бесплатно, я обычно поднимался на второй ярус и прятался в темноте ложи. Уже знал героев и сюжетные повороты основных оперетт. И, что самое главное, интерес к театру только возрастал.

Это было великолепное время! Утром – пляж и купание в реке Кальмиус, днем – прогулки по улицам города. А вечером – умопомрачительная музыка, героини в дорогих платьях, неистовые аплодисменты публики. Труппа приняла меня как своего, чему способствовала правильная политика общения. Ни слова о созданных сценических образах («Я слишком далек от искусства»). С мужчинами - разговоры о политике или спорте, с женщинами о местных достопримечательностях. Кстати, одной из настоящих достопримечательностей Донецка была красота местных девушек. Она поражала и восхищала. Точно проказник Лель своей игрой на дудочке заманил сюда первых прелестниц со всего славянского мира. Куда бы ни зашел - глаза разбегаются!

Вот и тогда, в театральном буфете я с жадным интересом осматривал его юных посетительниц. «Ого какая... Стоит познакомиться... А еще лучше с той, что расплачивается с буфетчицей...»

Но тут все они были позабыты, потому что вошла та, от которой перехватило дыхание. «Так вот каково оно, истинное совершенство», - подумал я.

Волны черных волос незнакомки ниспадали едва ли не до пояса, черты лица настолько пропорциональны, словно

Создатель специально экспериментировал, чтобы добиться подобного результата; фигура изящна и грациозна, от самого обычного покачивания головы по коже пробежал мороз, а дополнительную пикантность придавал слегка вздернутый носик, который она постоянно морщила. Ненароком я поймал ее взгляд, где соединились чарующий магнетизм и необыкновенной остроты ум, уверенность в себе и строгость, даже суровость, сопряженная с непонятной грустью.

Именно эти глаза не позволили мне сразу подойти к ней. Самоуверенный до невозможности, я вдруг засомневался: понравлюсь ли богине? Да и держалась незнакомка несколько вызывающе. Руки по-мальчишески засунуты в карманы модных джинсов. Рядом – подруга, высокая и немного нескладная, которая суежилась перед красавицей, как служанка перед госпожой. А еще в их компании была очень пожилая несколько тучная дама, возможно, мать или даже бабушка одной из девушек.

Нахлынувшая в буфет толпа затруднила мое созерцание незнакомки. Потом, перехватив что-то из бутербродов, все трое дружно покинули буфет. Я поспешил следом, постоянно ругая себя, что не решаюсь подойти, заговорить. Но... что-то упорно сдерживало.

Звонок, и это уже второй. Красавица со спутницами стали подниматься наверх. Ба! Они направились в ложу, куда я, как «сотрудник театра», мог бесплатно проходить. Похоже, это судьба.

Погас свет, раздались первые звуки оркестра, и только тогда я решился появиться в ложе.

Я сразу заметил ее. Она сидела в первом ряду, облокотившись на край ложи. Позади было свободное место, и я пристроился там.

Закончилась увертюра, промелькнули первые сцены, когда служанка Айзенштейнов Адель договаривается с влюбленным в ее хозяйку Розалинду Альфредом

пропустить его вечером в дом, получая в обмен приглашение на бал-маскарад к князю Орловскому. Действие оперетты быстро развивалось, а я никак не решался привлечь внимание незнакомки. Наконец появилась Розалинда, это для меня был отличный шанс:

- Ее играет моя мама, - шепнул я девушке.

И действительно, после этих моих слов красавица обернулась.

- Да, да, она самая, - подтвердил я. – А меня зовут Андрей, я только что поступил в Московский институт международных отношений.

Теперь я заметил, что нахожусь под прицелом глаз не только красавицы, но и ее «свиты»....

Началась комическая сцена, где Генрих Айзенштейн вместе со своим другом Фальком пытаются повесить Розалинде на уши лапшу, мол, ее муж отправляется в тюрьму, хотя на самом деле они спешат на бал-маскарад. Я же вновь попытался завязать разговор с незнакомкой:

- С тем артистом, что играет Генриха, мы вчера пили...

Тут на меня зашипели другие посетители ложи, пришлось замолкнуть до конца первого акта.

Зато когда опустился занавес и вспыхнул свет, я запел соловьем.

- Обожаю оперетту. Мой любимый жанр. А вам она нравится?

- Да, - просто ответила незнакомка.

- Я представился, а вы нет...

- Валерия, - ее голос вдруг стал холодным и отчужденным.

- Приглашаю в буфет. И ваших подруг тоже.

- Нет, благодарю.

- Почему?!

- Мне... всем нам нужно в дамскую комнату.

- Это займет у вас немного времени, а потом...

- Увидимся здесь.

- Когда?

- В начале второго акта.

- А если приду раньше?

- Не стоит.

Долговязая подруга и пожилая женщина вдруг взглянули на меня со странной грустью. Я понял, что своей настойчивостью стану только раздражать их всех. Поэтому сделал приветственный взмах рукой и отправился в буфет.

Сказать, что Валерия мне понравилась – не сказать ничего. Однако что-то ее сдерживало для продолжения знакомства. Причин могло быть две. Первая: я ей не приглянулся? «Нет!» - сразу возразила моя самоуверенность. Вторая: у нее уже есть друг? Плевать, уведу! Правда друг может быть сердитым и злым. Ничего, и я не робкого десятка. За свою любовь могу постоять. «Как я сказал? Любовь? А ведь я, кажется, не на шутку влюбился!.. Глупости! Я на такое не способен!»

Однако более находиться тут я не мог, опять помчался в ложу. Валерии и ее свиты еще не было. В томительном ожидании заметался по коридору. Первый звонок сменился вторым. В голове пронеслась тревожная мысль: «Валерия ушла, поскольку не желает со мной встречаться? Но я не сделал ей ничего плохого!»

И все-таки она, возвращается! Та же походка, так же спрятаны в карманах руки... Нет, на сей раз только одна рука – правая. Левой она расчесывала волосы, да так эффектно, что я невольно залюбовался игрой ее длинных тонких пальцев. Заметив меня, Валерия быстро убрала расческу:

- Опять вы?

- Но я же сказал, что приду сюда после первого акта.

- Сказали, - вздохнула она. И, не смотря больше в мою сторону, опустилась на свое место.

Заиграла музыка, появился князь Орловский. Желая хоть как-то привлечь ее внимание, я сказал:

- Знаете ли вы, что изначально роль князя – женская. Да, да, она была написана для женщины.

- Опять вы! Потихе... - раздались рядом возмущенные голоса.

Нам упорно мешали объясниться. Я боялся, что этого объяснения не произойдет и после второго акта и после третьего. Валерия уйдет, и я ее потеряю. Разве можно отыскать ее в огромном Донецке, когда на поиски отведены всего несколько дней и у меня нет никаких сведений о ней! Одно только имя. Да и ее ли это имя? Вдруг оно выдуманно, чтобы отвязаться от надоедливого ухажера?

Может, отступить? Нет, я не мог!

Я тихо-тихо зашептал ей:

- Дайте мне всего минуту, чтобы объясниться.

Она замерла в раздумье, потом ответила:

- Хорошо.

- Но не здесь. Нам тут не дадут поговорить.

- Я пропущу арию.

- Всего **одну минуту!**

Она кивнула, жестом указала на дверь. Я вышел в коридор, через несколько секунд появилась Валерия.

- Так чего вы хотите?

- Быть вашим другом.

- Это невозможно.

- Почему?

- Не хотелось бы вдаваться в объяснения.

- Понимаю: у вас кто-то есть. Такая девушка не может быть одна... Но дайте шанс. Тысячную долю шанса...

Поскольку она опять молчала, я со всей силою вспыхнувшей страсти продолжил:

- Хотя бы стать вашим другом... Нужна ваша рука в знак того, что дружбу вы не отвергаете.

Валерия посмотрела как-то необычно: зловещие огоньки в ее глазах пронзали полотно отчаяния.

- Вам дать **правую руку?** – спросила она.

Не улавливая крамолы в ее словах, я лишь кивнул и **ждал руки**. Я уже представлял, как пожму ее, а еще лучше поцелую длинные пальцы.

- Раз вы так хотите...

Ее правая рука предстала перед моим взором. И тут... словно от землетрясения закачался весь театр.

Потребовалось несколько секунд, чтобы понять: ничего не рушится, не слышно топота, криков бегущих от смерти людей, а по-прежнему звучит ария князя, которой восхищенно внимают зрители.

Кисть руки Валерии назвать таковой было нельзя. Это - какой-то обрубок с подобием ладони и тремя отростками, отдаленно напоминающими пальцы.

- Что это? – невольно вырвалось из меня.

- То, что вы так добивались, - то ли торжествующе, то ли истерично вскричала Валерия.

Не помню, что я отвечал. Кажется, оправдывался за то, что надо срочно удалиться. Я блуждал по коридорам театра, не понимая: куда иду? Вновь звучала музыка Штрауса: появление Розалинды на бал-маскараде в маске летучей мыши. Я стоял в дверях партера и слушал, как волшебный голос моей матери старается вырвать меня из страшных пут отчаяния. Но сделать это не удалось даже самому близкому человеку. Изуродованная кисть Валерии без конца маячила перед глазами, тянулась ко мне, пыталась... приласкать.

Мать не сдавалась, продолжала бороться с наваждением сына, ее голос создавал вокруг меня защитное поле, в которое все равно лезла и лезла страшная рука.

Я не выдержал, опрометью выскочил из театра.

Оказавшись в своем гостиничном номере, я упал в кровать, закрыл глаза и ждал... Только чего? Что вся эта жуть постепенно сотрется из памяти? Но разрушенная стена иллюзий не желала исчезать. Точно вихрь поднял оставшиеся после нее булыжники, которые вихрем

проносились передо мной, нанося болезненные удары. Тело превратилось в сплошной синяк, невидимый для врачей, но слишком сильно ощущаемый мною. Как все несправедливо: изуродованный ангел! Ангел, которому я бы мог поклоняться...

Я даже подумывал о том, чтобы снова помчаться в театр. Вдруг спектакль еще не закончился, и я найду ангела в ложе!

И тут призрак Валерии **погрозил** мне своей правой рукой!

И сразу, будто паралич приковал меня к кровати.

Кто-то вошел в номер. Это сосед актер Эдик Кудрявцев. Он расхохотался:

- Молодежь уже дрыхнет?

- Спектакль закончился?

Игравший роль Фалька Эдик тяжело вздохнул:

- Да. Работка сегодня была сложная. Публику сразу не заведешь. Пришлось попотеть.

Он вытащил из тумбочки бутылку коньяку:

- Составишь компанию?

- Нет, - судорожно ответил я.

- Как знаешь, - он со вздохом налил себе рюмочку. – Я тебя на сегодня покину. Одна настырная поклонница приглашает к себе. Не могу отказать очаровательной женщине. Не горюй, прошвырнись по ночному городу, найди себе также подружку. Надеюсь, маменька не станет проверять, чем занимается милый сыночек.

- Спасибо. Только я уже сегодня «нашел».

Эдик внимательно взглянул на меня:

- Что-то случилось? Понятно. Поцапался с местными из-за крали. Радуйся, что так. Настанет время, и ты поругаешься с кем-нибудь уже по другой причине. Он тебе скажет: «Бери ее себе», а ты: «Нет уж, уволь от такого счастья». Так что не переживай, дружище. Слушай во всем старшего товарища. Эдик мне откровенно нравился: веселый, беззаботный и, одновременно, рассудительный. Такому можно довериться. Поэтому я кратко рассказал обо всем, что

случилось в театре. Я ждал понимания, сочувствия, однако он лишь равнодушно пожал плечами:

- Сейчас пластическая хирургия на высоте. Твоей зазнобе можно сделать операцию. Хотя до полного совершенства скорее всего не дойдет.

Эдик посмотрел на полную рюмку, залпом осушил ее. И продолжил:

- Не огорчайся. В жизни бывает всякое. И девчонка тебе попадется не менее красивая, только уже без уродства.

- Может быть, - грустно произнес я.

- Что значит «может быть»? Вся жизнь впереди. Я тебе завидую. И перестань сидеть с таким лицом, точно встретил ту самую ведьму с изуродованной рукой.

- Кого?

- Не слышал местное предание?.. Давным-давно в этих краях жил помещик. Влюбился он в одну простую крестьянскую девушку. Влюбился как ты сейчас – до умопомрачения. А жена его была слишком ревнива. Она со своей челядью подловила подружку мужа в лесу и поиздевалась над ней досыта. То ли изуродовали, то вовсе обрубили ей кисть правой руки. Однако бедняжка выжила. Правда, ее ухажер хоть и посочувствовал ей, но отрекся. Зачем ему изуродованная...

Но бабка той девушки была колдуньей. Она передала внучке черную магию зла и разрушений. И явилась внучка ночью в поместье своих обидчиков, и запылало там все – дом, пристройки к нему, даже конюшня. Люди кричали, спасаясь от пожара, да только убежать от огня не могли. Лошади в предсмертных муках дико ржали! Сам помещик с обгоревшим лицом все-таки сумел выбраться из полыхающего ада. И тут увидел свою бывшую любовь. Он почувствовал, что все это **сделали она и ведьма бабка!**

- Там мои детки, - рыдал он. – За что погибли они? Зачем ты такое сотворила со мной? Ведь не я же виновник твоего несчастья. Знаешь, как ты была мила мне!

- **Ты отрекся от меня!** – ответила девушка. – Такова теперь расплата.

Огонь, будто вылетевший из пасти неведомого чудовища, вновь набросился на помещика. Перед смертью он успел крикнуть:

- Так будь же ты проклята, Валерия...

- Как ты сказал, ее зовут? – поразился я. – Валерия?

- Кажется, мне назвали это имя. А что?

Я не стал распространяться о поразительном совпадении. А Эдик продолжил:

- Говорят, появление ведьмы с клешней вместо руки приводит общество к страшным потрясениям. Старики уверяют, будто видели ее перед революцией и Второй мировой войной. Вообще встреча с ней к хорошему не приводит.

Эдик пригубил еще одну рюмашку и закончил:

- Вот такая страшная легенда. Отвлек тебя от мыслей о несчастной девочке?.. Пока нет. Ладно, поспи. А я - в гости. Да, по пути предупрежу твою матушку, чтобы сегодня тебя не беспокоила. Захочешь забыться – лечебный напиток (коньячок, водочка) всегда к твоим услугам. Закрывай дверь и спи...»

Павла все-таки отвлекли. Одному больному стало плохо, пришлось сделать укол и дать ему снотворное. Врач еле дождался, когда вернется к себе в ординаторскую и продолжит чтение.

И вот он снова погрузился в мысли и чувства Андрея Фирсова.

3

После нескольких безрезультатных попыток «борьбы с собой» я все же решил прибегнуть к «лечебному напитку». Огненная влага пробежала по организму, и я постепенно расслабился, закрыл глаза, постарался уснуть. Сначала не помогал даже коньяк, но потом я куда-то провалился. Между мной и остальным миром возникло временное отчуждение.

Еще в детстве я слышал от родных, что моя впечатлительность заведет меня далеко. Следовало расчетливым умом оценить ситуацию. Итак, что произошло?

Я снова открыл глаза и ответил себе: «Ничего!»

Мое сердце покорила девушка. И что? Мало ли кто мне нравился и понравится еще.

У нее изувечена рука... Разве подобные случаи такая уж редкость? У наших соседей по лестничной клетке более кошмарная ситуация. Старшего сына Ивана призвали на войну в Афганистан. Он вернулся с грудью полной орденов, но... без ног. А я помню, как в свое время Иван крутился во дворе на турнике, как летом гонял мяч, а зимой шайбу. Как учил меня основам карате. Он был для меня спортивным божеством, за которым следует тянуться. Я завистливо наблюдал, как он прогуливается вечерами с классными девчонками. Мечтал быть на его месте! И вдруг... передо мной постаревший лет на десять седой калека. Во взгляде – злость и страдание. А еще... зависть. Зависть к тому, кто раньше преклонялся перед ним.

- Здравствуй, Ваня, - пролепетал я.

Он не ответил, покатил дальше. Я не выдержал, закричал:

- **Чем я могу тебе помочь?!**

Он остановился, повернул голову:

- Верни мне ноги... Не можешь! Тогда хотя бы накажи тех, кто сотворил такое: послал меня на бессмысленную бойню!

Увы, этого я тоже сделать был не в силах.

Так что несчастных людей много....

А как же совпадение имен? Валерией звали и ту ведьму, и девушку в театре. Тут искать какую-либо связь вообще абсурдно. Мало ли у меня тезок.

Слово «абсурдно» я повторил несколько раз, надеясь добиться полного успокоения...

Но в голове вдруг зазвучала ария Розалинды. Мама меня предупреждает...

Помимо воли, бредовые мысли продолжали терзать мою голову. И как от них избавиться?

Но постепенно проклятые воспоминания меркли; комната все больше напоминала склеп. Город окончательно «умер»

в объятиях ночи. И теперь эта ночная мгла должна была забрать меня на несколько часов спасительного отдыха... И вдруг... странные звуки. Раздавались они... в моей комнате. Почти сразу я понял, что этот легкий шум от поворота ключа. Я даже обрадовался: Эдик! Он все-таки вернулся от своей подруги. Я буду в номере не один. Скрипнула открывающаяся дверь. Но такое ощущение, что вошедший остановился у порога и не желал двигаться дальше. «Почему Эдик не проходит?»

- Эдик! – позвал его я. – Чего застыл у порога?

Однако никто не собирался отвечать. Нешуточный страх пронзил меня насквозь. Я уже не был уверен, что это мой сосед актер.

- Кто здесь? – воскликнул я.

Ответа снова не последовало. Но **ведь кто-то в номере есть**. Я быстро зажег свет.

У двери стояла девушка, которую я уже видел раньше, та высокая спутница Валерии.

- Как вы?!.. – от волнения я не смог закончить вопрос.

В ее бесконечном молчании было что-то загадочное. Она жестом приказала одеться и проследовать за ней. Не знаю почему, но я... подчинился.

Быстро нацепил рубашку и джинсы, потом обернулся к своей ночной гостье, однако она... исчезла. Не привиделась ли мне все это?

Я осторожно приблизился к двери, подергал ее. Не заперта?! Гостья заходила!

Или... это я, ложась спать, забыл закрыть дверь?.. А ведь Эдик предупреждал об этом.

Так я закрыл ее или?..

Но я же слышал звук поворачивающегося ключа!..

Действительно слышал?!

Желание во всем разобраться заглушало любой страх. Я вышел в коридор, быстро спустился по лестнице вниз.

Вестибюль первого этажа напоминал царство покоя. Из посетителей никого, лишь администратор дремала на

своем рабочем месте. И тут я вновь заметил фигуру высокой подружки Валерии. Она была на улице, снова кивком позвала за собой.

Администратор открыла глаза:

- Решили прогуляться?

-Да.

- Не поздновато ли для прогулок? Ночью у нас опасно.

- Понимаю, но... меня зовут. Надо поговорить вон с той девушкой...

- Раз зовут... даме отказывать нельзя, - зевнула администратор.

Не дослушав ее, выскочил на улицу. Подруга Валерии переходила дорогу, направляясь в сквер, что напротив гостиницы.

- Подождите! – закричал я, однако она не отреагировала. И только (как мне показалось) ускорила шаг.

Я перебежал дорогу и оказался в сквере. Днем он мне так понравился: деревья приветливо шумели, посетители мило переговаривались либо на скамейках, либо возле фонтанов. Сейчас здесь царило холодное мрачное отчуждение. А шуршание листвы казалось уже другим – неприятным, подозрительным.

Я огляделся. Девушка исчезла, как призрак древнего замка при попытке любопытных туристов коснуться его. Я не сдавался, с маниакальным упорством стал обходить каждое дерево, заглядывать под каждую скамейку. Внезапно я услышал позади себя смех – обидный, неприятный. Даже не оборачиваясь, я знал: кто поджидает меня здесь.

Легкий свет фонаря позволял рассмотреть ее лицо.

Валерия была все также прекрасна. Но... что-то изменилось в ней. Улыбка уже не чарующая, а злорадная. Возможно, она поняла, что я подозреваю в ней **ту самую ведьму** и не желала более скрываться.

- Зачем ты позвала меня? – я сам не узнавал свой дрожащий голос.

- Еще не понял? Я пришла не только к тебе. Мое появление предвещает хаос и страдания. Пройдет не так много времени, и этот благополучный край взорвется. От прежнего великолепия останутся руины... И никакой безмятежной жизни ждать уже не придется.

- И ты говоришь об этом так... просто?

- Конечно. Моей вины в данном случае нет. Я только **предвестник катастроф**. Но наступают они благодаря людям.

Сначала после подобных пророчеств на меня напало оцепенение. Но тут я подумал, о прекрасных ландшафтах Донецка, о высоких заработках горняков, о царящей вокруг атмосфере спокойствия. И сразу захотелось крикнуть: «Ты бессовестно врешь!». Валерия покачала головой:

- Немного усилий – и видимая красота превращается в уродство, а покой – в нескончаемую безумную войну. Любое совершенство легко испортить. Взгляни-ка еще раз на мою изуродовав руку...

Я вздрогнул, отступил на шаг. Слова застревали в горле, но все-таки вступил с ней в диалог

- Ты врешь, когда говоришь о своей непричастности к людским трагедиям. Я слышал легенду и знаю, с чего все началось. Была ли твоя месть соразмерна? Сгорела усадьба! Чем провинились дети?

Валерия рассмеялась:

- Легенда врет, как врут почти все легенды. Я ничего не поджигала. Тот барин был слишком недобрый, и крестьяне восстали. Они виновники смерти господ. Кстати, в округе его хозяйство считалось образцовым. Так что чаще всего «совершенство» – обычный миф.

- Крестьяне сожгли?.. А ты?..

- Я случайно оказалась там, и барин решил, что в трагедии виновата магия моей бабушки. Я его не разубеждала. Уж очень хотелось мести!.. Однако с тех пор я получила второе наказание: я уже не несчастная девушка, я стала олицетворением зла, духом разрушения. Вечность моего

бытия превратилась в самое жуткое проклятье. Что ж, у каждого в этой жизни своя роль. Моя роль – ведьмы. Я наложил на себя крест, только это не испугало Валерию. Она невозмутимо продолжала:

- Лишь единицам удастся распознать ту, что скрывается под личиной простой, обиженной судьбой девчонки. Среди них – ты... Ты все **понял**, точнее, **почувствовал**. И теперь перед чередой страшных событий **обязательно увидишь меня**. Но только ты и никто более... У тебя появится возможность предупредить своих соотечественников о скорых несчастьях. Но не рассчитывай, что они поверят, и ты станешь пророком.
- Смотря как предупредишь!
- Попробуй. Может от твоих доводов их разум возобладает над порочными страстями.

И Валерия почему-то вновь рассмеялась, да так жутко!

Рядом с ней появились две ее неизменные спутницы.

Пожилая сказала:

- Нам пора.
- Да, бабушка, - ответила Валерия. И высокой. – Ты готова, сестра?

Та молчаливо подтвердила. Женщины взяли за руки, и в тот же миг перед моими глазами все завертелось, закружилось. Мне показалось, что Валерия и ее окружение... плясали. Плясали своеобразно: с каждым движением они все выше и выше вздымались в воздух. И вот они парили надо мной, точно громадные хищные птицы.

- Летим отсюда! – крикнула Валерия.

Она пронеслась совсем рядом, касаясь тела и волос. И вдруг, объята сатанинским весельем, ударила меня своей изуродованной рукой по голове. Удар оказался такой силы, что все погасло перед глазами.

Я очнулся от резкого запаха. Надо мной склонились несколько человек. Мужчина в милицейской форме поинтересовался у женщины-врача:

- Как он?

Врач спросила, нет ли у меня тошноты, головокружения, проверила зрачки. Потом сообщила:

- Думаю, легкое сотрясение мозга у него есть.

- А где они?.. – пробормотал я.

- Те, кто на вас напал, - сказал милиционер. – Их поймали. Мы следили за ними уже некоторое время. И вот теперь, что называется, взяли с поличным.

- Я имел в виду тех трех ведьм?

- Трех ведьм?

- Ну, да. Одна из них и ударила меня.

- О да, ему точно надо в больницу, - сокрушенно произнесла врач.

Несколько дней мне пришлось провести в больничной палате. Милиционеры «точно рассказали», как было дело. О сквере, куда я зашел, ходила дурная слава. Там нередко случались грабежи. И то, что произошло со мной, не стало досадным недоразумением.

- Прочитайте покаянные признания тех, кто на вас напали, - сказал капитан.

Один из преступников сообщал, что они устроили в сквере небольшую попойку. Вдруг заметили парня, решили «почистить» его карманы. На вид парень показался крепким, поэтому напрямую напасть не решились, а подошли незаметно и оглушили его. Да, нападение было. Но не грабеж. У жертвы при себе оказалось меньше пятидесяти копеек.

А потом их окружили представители органов.

Но вот момент в рассказе преступника, который меня по-настоящему заинтересовал.

«Парень тот вел себя не совсем адекватно. Кружил взад-вперед по одному и тому же месту, с кем-то беседовал, хотя никого по близости не было».

Я серьезно задумался: «Итак, бандиты утверждают, что я был в сквере один. Не привиделась ли мне и в самом деле эта чертовщина с ведьмами?.. Но уж слишком реальными казались Валерия и две ее спутницы... Я **говорил с ними!** И пусть сто человек утверждают обратное, я сто раз повторяю: **говорил!**»

Посетителей у меня в палате было хоть отбавляй. И не только мама, но и добрая половина театра. Особенно был важен разговор с Эдиком, я напомнил о рассказанной им легенде.

- Какой легенде? – наморщил он лоб. – Ах, про ведьму с изуродованной рукой.

- Откуда ты о ней узнал?

- Ее пересказал старик в местной пивной. Он развлекал посетителей байками, а они за это ему наливали по кружечке. Забудь! Лучше послушай о моей новой театральной находке. Помнишь, в «Летучей мыши», обманывая жену, Генрих называет собаку Эммой, а потом приходит Фальк и восклицает: «Бедный Гектор, я так его любил»? Так вот позже, на балу у князя, я забываюсь и называю Генриха «Гектор». Публика умирает от хохота... После разговора с Эдиком я стал меньше верить в существование ведьмы Валерии. Поправлялся я быстро. Когда давал показания в милиции, то ни словом не обмолвился о моем ночном кошмаре. Сказал, что не спалось, решил погулять в парке. И... погулял. Постепенно тот странный случай вспоминался реже и реже, и, наконец, вовсе стерся из памяти. Даже последующие катастрофические события начавшейся перестройки, а потом и войну на Донбассе я не желал хоть каким-то образом связывать с грозным предупреждением ведьмы с клешней вместо руки. Мистика и реальная жизнь – вещи несовместимые.

Валерия исчезла из моего сознания, как вызванный стрессом нелепый сон...»

Врач с волнением перелистнул страницу, понимая, что главное впереди. И он не ошибся.

«...Теперь я перехожу к недавним событиям, из-за которых я оказался в лечебнице.

Как вы знаете, они произошли девятнадцатого июля. Но уже вечером восемнадцатого меня охватила непонятная тревога. Я долго не мог заснуть, крутился на постели как волчок, воздух казался душным и спертым. Когда моя жена Маша недовольно заворчала, я ушел от нее на диван.

Нет, сон по-прежнему не шел, хоть принимай снотворное.

Голова разбухла от дум: в одно целое соединились и личные проблемы и мировые. Я размышлял о непростых отношениях с издателями, о падении доходов - и своих, и жены. Так, под нескончаемую симфонию лжи о процветании нации, мы быстро докатимся до нищеты. А тут еще постоянные военные конфликты, в которые мы пытаемся сунуть нос... Добром это не закончится!

И вдруг я подумал, что нужно заглянуть в корень проблемы. Идет новая технологическая революция, люди станут не нужны, в отличие от ресурсов, которыми они обладают. Но тогда... в самой сути ничего хорошего ждать не приходится. Под благовидным предлогом уничтожат целые страны и континенты...

Меня бросило в дрожь. Я пошел на кухню, накапал не менее тридцати капель валокордина. И только после этого немного успокоился, даже уснул.

Однако уже ранним утром меня разбудили. Приехала моя дочь Анфиса. Она была в истерике, поскольку «навсегда поссорилась с мужем». И тогда Маша предложила отправиться на дачу, развеяться несколько дней на природе.

Вырвавшись из московских пробок, мы попали на относительно спокойную трассу. Я сидел на заднем

сидении, закрыв глаза и опять думая о своем. Анфиса подбирала музыку и вскоре воскликнула:

- Как раз для тебя, папа.

Это был Штраус, его знаменитая «Летучая мышь». Звучала ария Розалинды, голос певицы так сильно напоминал голос покойной матери, что меня будто током ударило: уж не она ли явилась с того света, чтобы ободрить сына своим хрустальным голосом?! Или... о чем-то предупредить?

Все как тогда – в Донецке. Не было между этими событиями перерыва в несколько десятков лет!.. И тут, словно из бездны встала ведьма с клешней вместо правой кисти!

Я был уверен, что она навсегда покинула мою жизнь и сознание. Так почему снова **вижу ее?**..

Валерия стояла посреди дороги, не обращая внимания на мчащуюся прямо на нее машину. А что же моя жена?.. Она будто бы ничего не видела(?!). Казалось, столкновения не избежать...

- Стой! – невольно закричал я, а затем, перегнувшись через сидение, вцепился в руль.

Автомобиль занесло, Маша еле успела затормозить. Но с трассы мы все равно съехали и врезались в дерево.

- С ума сошел?! – кричали Маша и Анфиса.

- Но там же... женщина!

- Какая женщина?! – еще более разъярилась Маша. – Ты пьян?

Мы вылезли из машины. К счастью никто не пострадал, но капот помяло хорошо.

- Влетит в копеечку, - не прекращала беситься жена. – Платить будешь из своих гонораров.

Я не ответил, поскольку опять... заметил Валерию. Похоже, только я один здесь **вижу ее**.

Сразу вспомнилось пророчество о том, **когда мы с ней снова встретимся...** И сегодня жизнь – далеко не сахар. Но, выходит, что все это лишь прелюдия к чему-то более страшному?!

«Предупредить всех! Предупредить!»

Но вновь, как проклятие, звучит ее голос: «...не рассчитывай, что они поверят, и ты станешь пророком». Что же получается: молчать нельзя, а говорить бесполезно? Мне еще никогда не было так жутко. В каком мире живу? Мире, который блуждает в полном мраке и скатывается в сумеречное царство антихриста?... Бежать, бежать!

- Куда? – беззвучно спросила ведьма.- Все дороги соединяются в одну. Но это, увы, не Рим (Имеется в виду известное выражение «Все дороги ведут в Рим». – Прим. авт.).

Лес зашумел, деревья обещали стать временным убежищем от апокалипсиса. Временное убежище... Смешно! Однако я поддался иллюзии спасения и ринулся в чащу. Я убеждал себя, что в полной глуши, среди деревьев, пней и сорной травы, не встречу ведьму с изуродованной рукой.

Однако очень скоро осознал свою наивность. Впереди, у развесистого дуба раздался знакомый язвительный смех, и навстречу мне вышла Валерия, протягивая свою страшную правую руку.

- Я твоя судьба, - сказала она...»

4

Окончив чтение, врач некоторое время находился в растерянности. Или Фирсов написал блестящее фантастическое произведение, или он действительно бредит? И тогда его правильно держат в лечебнице. Однако этот бред терзал сознание и выматывал душу. Когда в коридоре слышались шаги, Павел чуть не закричал, не позвал на помощь. Ему вдруг представилось, что это приближается **та самая ведьма**.

Вошла медсестра Зиночка с каким-то срочным вопросом. У Павла отлегло от сердца. Он вспомнил предупреждение своих родителей, тоже психиатров, о том, как сложно

работать здесь. «Главное, сынок, чтобы страхи твоих пациентов не вселились и в тебя».

Да, да, нельзя давать волю страхам овладеть собой.

Любимый писатель превратился в обычного больного со слишком буйной фантазией. Бывает....

Павел успокоился, даже вздремнул, хотя сон оказался недолгим: к утру у некоторых больных опять начались проблемы.

Елена Петровна смотрела на него снисходительно и немного сочувственно:

- Дежурство выдалось сложным?

- Были проблемы.

- Вид у вас усталый. Ничего, сейчас пойдете домой, отдохнете. Кстати, с вашим писателем беседовали?

- Да.

- И?..

- Пока конкретного вывода не делаю. Возможно, вы правы, он серьезно болен.

- Я вам говорила, - ухмыльнулась заведующая отделением.

Павел вышел на улицу, немного постоял, вдохнул полной грудью. Даже этот загазованный московский воздух казался ему воздухом свободы. Слишком уж тяжело в больнице.

Он вспомнил, что следует зайти в универсам за продуктами. Брал, как обычно, самое необходимое; и опять задумался над прочитанной рукописью Фирсова. «А если только предположить, что Андрей Николаевич и впрямь повстречал ведьму с изуродованной рукой? Но никто, кроме него, ее не видел. И что? Писателям открывается многое, они предсказывают судьбы своих народов на столетия вперед. Вон Пушкин и его «Пророк». Но если так... неужели Россию вновь ждут испытания? Не довольно ли их?»

Он глянул через стеклянную витрину универсама. Перед входом на ступеньках согнулась нищенка, униженно прося

подаяния. А мимо пролетел LEXUS, откуда высунулось скуластое, горбоносое лицо. И Павел только вздохнул: «Не могут остановиться, безумные!»

Фирсов сказал главное: скоро люди станут не нужны, и тогда под благовидным предлогом **уничтожат целые страны и континенты...**

Внезапно Павел заметил девушку такой красоты и обаяния, что ноги сами понесли его к ней. Он настиг ее в очереди у кассы. Незнакомка выкладывала из тележки продукты, и Павел решил осторожно завязать знакомство:

- Разрешите, помогу вам?

- Спасибо, - ответила она. – А то мне самой трудно.

- Трудно?

- Да вот, взгляните...

И она вытянула вперед правую руку – искалеченную, с подобием ладони и сросшимися пальцами. Павел отпрянул, а девушка растянула губы в зловещей улыбке:

- Да, я уже здесь!

В книге использованы работы художника Александра Синякина.
Большая благодарность ему за предоставленные материалы.

В авторской редакции

Верстка А. Сторожук

Корректор З. Буцаева

Главный редактор М. Епихин